

Протоиерей Леонид Грилихес

Голоса свидетелей протоиерей Леонид Грилихес

О четырех канонических Евангелиях, об их происхождении, об аудитории, для которой писалось каждое, о сходстве и разнице текстов мы беседуем с протоиереем Леонидом Грилихесом, библиистом, клириком храма во имя Иова Многострадального в Брюсселе.

– Отец Леонид, начнем с вопроса, почему Евангелий – канонических, то есть тех, которые **Церковь** признала как источники истины, – четыре? Ведь между ними есть различия, есть противоречия, это всегда может запутать читателя. Не было ли в истории Церкви попыток создать и утвердить единый текст, который вмещал бы максимум сведений и исключал бы противоречия?

– Да, такая тенденция была. В середине II века ученик Иустина Философа Татиан пытался создать на основе четырех Евангелий единый текст – так называемый Диатессарон. Сохранившиеся фрагменты показывают, что он делал это очень искусно и с большой тщательностью: некоторые стихи Диатессарона буквально как мозаика собраны из слов и коротких фраз, взятых из разных Евангелий. Текст, составленный Татианом, получил широкое распространение на Востоке у сирийцев, им пользовались в течение нескольких веков. Например, Ефрем Сирийский составлял свои евангельские комментарии по Диатессарону. Однако в дальнейшем **Церковь** отказалась от него: в V веке Феодорит Кирский запрещает употребление Диатессарона и возвращает в Антиохийской Церкви употребление четырех Евангелий. Но о популярности Диатессарона говорит хотя бы тот факт, что в родном городе Феодорита, в Кире, при изъятии было обнаружено около 200 рукописей.

Почему **Церковь** отказалась от попыток создать единый текст? Ведь наличие четырех Евангелий действительно создает немало проблем. Четыре Евангелия заметно различаются между собой, и разночтения нередко становятся причиной недоумений. Говоря о числе четыре, приводят сравнение с четырьмя сторонами света, так как евангельская проповедь обращена ко всему миру. Аллегорический прообраз четырех Евангелий видят в четырех рукавах, на которые разделяется река, выходящая из рая и орошающая землю (см.: Быт. 2, 10). Но, быть может,

чтобы ответить на вопрос, почему в Церкви сохраняется четыре Евангелия, нужно спросить: а кто такие евангелисты? Сами себя они так не называли. Даже слово «Евангелие» применительно к письменным повествованиям об Иисусе Христе стало употребляться лишь начиная с середины II века. Ранние христианские авторы именовали эти тексты иначе, например, Папий Иерапольский использовал выражение «Изречения Господни», Иустин Философ – «Воспоминания апостолов» (но он же, кстати, первым применяет к этим текстам слово «Евангелие»). Кто же такие евангелисты, проповедники спасительного учения и деяний Христовых? Из новозаветных книг мы видим, что сами они постоянно называют себя свидетелями (см.: Деян. 5, 32; Деян. 10, 39; Деян. 13, 31; 1Пет. 5, 1; Ин. 21, 24 и др.). Они ходили вместе со Спасителем, они видели все, что Он делал, слышали то, что Он говорил, и они записали свои свидетельства. Сам Господь при Вознесении говорит, что апостолы будут Его свидетелями (см.: Деян. 1, 8). Но свидетельство одного не принимается: *«Недостаточно одного свидетеля... при словах двух свидетелей или при словах трех свидетелей состоится всякое дело»* (Втор. 19, 15, см. также: Мф. 18, 16; 2Кор. 13, 1). Только после того, как будут выслушаны два или три свидетеля, может быть принято какое-то решение. А Новый Завет свидетельствует о приходе Мессии, и чтобы это свидетельство было принято, нам, соответственно этому библейскому установлению, нужно как минимум два-три свидетеля, а у нас их четыре – чтобы уже не оставалось никакого сомнения. Могут возразить, что три из этих четырех – синоптики – пользуются текстами друг друга. Но тогда у нас есть по крайней мере два свидетеля: синоптики и Иоанн.

– А как относиться к другим свидетелям, к неканоническим евангелиям?

– Здесь-то и проходит граница – за неканоническими евангелиями Церковь не признает авторитета свидетельства. Голоса живых свидетелей мы слышим только в четырех канонических Евангелиях. Из евангелистов Матфей и Иоанн – это два апостола, ученики Спасителя, которые были избраны Им для продолжения Его миссии (см.: Мф. 10, 2–3); Марк – ученик и постоянный спутник апостола Петра, он записывает проповедь своего учителя, и за его Евангелием стоит авторитет первоверховного апостола. Евангелиста Луку в православной традиции очень тесно связывают с апостолом Павлом и с Пресвятой Богородицей; кроме того, Лука пользуется многочисленными самыми ранними письменными и устными источниками, о чем он сам сообщает нам в начале своего Евангелия. К тому же апостолы были не просто очевидцами событий: их

свидетельство укреплялось и направлялось силою Духа: «Вы примете силу, когда сойдет на Вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями» (Деян. 1, 8). Поэтому Петр мог сказать: «Свидетели Ему мы и Дух Святой» (Деян. 5, 32). Голос очевидца и сила Духа – это то, что отличает четыре канонических Евангелия от многочисленных не входящих в канон.

– Вы только что сказали, что тексты Евангелий первоначально назывались, в частности, «Воспоминаниями апостолов». Действительно, они ретроспективны: слова Спасителя были преданы, условно говоря, бумаге (пергаменту, папирусу...) спустя какое-то время после произнесения. Нигде нет указаний на то, что кто-либо записывал произносимое непосредственно за Христом. Да и не было ведь ничего подобного стенографии, не было скорописи – писание было сложным, медленным процессом. Как в таких условиях возможна точная передача слов Учителя?

– Как вы считаете, что более надежно – письменный текст или память? Господь проповедовал тогда, когда не было не то что диктофонов и компьютеров, не было и печатного станка. Книга (а точнее, свиток) была вещью редкой и дорогой. Поэтому память была основным хранителем информации. Даже в школах того времени не пользовались необходимыми в наше время тетрадками, ручками, карандашами – ученик должен был все запоминать с голоса учителя. Способности ученика ставились в прямую зависимость от его памяти. В одном древнем поучении говорилось, что все ученики делятся на четыре группы: одни долго запоминают и долго помнят, другие долго запоминают и быстро забывают, третьи быстро запоминают и быстро забывают, и, наконец, последние быстро запоминают и долго помнят. И конечно, каждый учитель хотел бы иметь именно такого ученика: с цепкой памятью, который точно запомнит и надолго сохранит его слова. В этом случае у учителя появлялся шанс, что его учение не будет забыто и не будет искажено, что ученик верно передаст его следующему поколению. Но, с другой стороны, это обстоятельство накладывало определенные обязанности и на учителя. Он должен был говорить кратко, емко, ритмично, использовать те формы подачи материала, которые облегчают запоминание, прибегать к известным мнемоническим приемам и т. п. И все это мы находим в речах Спасителя.

Нам, конечно, хотелось бы, чтобы что-то было записано непосредственно с Его голоса, нам сегодня представляется, что это было бы большим плюсом. Но в те времена гораздо больше ценились ученики, способные записывать все в своей памяти. Ошибка скорее вкрадется в

письменный текст (на полях древнееврейских текстов Ветхого Завета есть многочисленные правки, исправляющие письменный вариант с опорой на устную традицию чтения), чем в память. Кроме того, запись может потеряться, порваться, ее можно украсть, а память – нет. Иными словами, в евангельское время память была крепче и пользовалась гораздо большим доверием: она была, как мы сказали бы сегодня, самым распространенным и самым надежным хранителем информации.

– Мне представляется, что есть еще одна причина нашего доверия к текстам Евангелий, к тому, как передаются в них слова Христа. Если мы сами живем в эпоху обесценивания слова, полного отрыва слов от дел, от реальности, безнравственных манипуляций словами, то современники земной жизни Спасителя жили в эпоху совсем иного отношения к слову. Для них произнесенное слово было равносильно материальному событию, причем необратимому. А уж говоря о Боге, они просто органически не могли позволить себе приврать или, скажем, выдать предполагаемое за произошедшее в реальности.

– Да, они были воспитаны суровостью Ветхого Завета, закона, повелевающего применять к лжесвидетелям то же наказание, которое надлежало бы применить в отношении к оклеветанному ими; *«и услышат прочие, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло»* (Втор. 19, 18–20). В еврейском языке одно и то же слово давар обозначает – слово, дело и вещь. И это свидетельство из древности: слово и дело не должны расходиться. В нашей жизни такое тождество слова и дела представить себе сложно. У любого из нас колоссальный опыт столкновения с лицемерием и ложью. Это – негативная сторона информационного прогресса, развития коммуникативных средств. На нас обрушиваются потоки слов, и слова эти используются с самыми разными целями: агитация, пропаганда, манипуляция сознанием... Конечно, в таких условиях слово просто обесценивается.

– Еще один очень трудный вопрос. Земная проповедь Спасителя продолжалась, как известно, три года. Но, если мы проведем мысленный хронометраж событий, отраженных евангельскими страницами, получится не три года, а гораздо меньше. В Евангелии от Луки мы читаем, что *«Иисус учил в синагогах и от всех был прославляем»* (Лк.4, 15), и у нас возникает вопрос: чему учил, что говорил? Да, нам известен общий смысл, великий смысл того, что исходило от Спасителя, но разве что-то из произнесенного Им может оказаться для нас лишним? Почему Евангелия так кратки? Из-за «объективных трудностей»?

– «Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и всему миру не вместить бы написанных книг» – так завершает свое благовествование евангелист Иоанн. Конечно, по-человечески нам бы хотелось, чтобы написано было больше. Мы понимаем, что апостолы видели и слышали гораздо больше, чем зафиксировано в Евангелиях. Но, с другой стороны, если мы обратимся к тому, что нам известно о современных Спасителю еврейских учителях, мудрецах, тех же фарисеях, – мы увидим, что ни об одном из них не рассказывается так много. До нас дошли лишь отдельные их высказывания и суждения – крохи по сравнению с тем объемом сведений о Христе, который доносят до нас Евангелия. По меркам того времени, это колоссальный объем. Поэтому удивляться нужно – не тому, как мало, а тому, как удивительно много нам известно о жизни Спасителя. Не нужно сомневаться: того, что известно нам, более чем достаточно. Никакой «проблемы нехватки информации» у нас нет. В том, что рассказали нам евангелисты, содержится вся полнота Откровения. Все, что Господь хотел открыть нам, Его ученики донесли до нас. Вспомним: достаточно двух свидетелей, а у нас их целых четыре. И дай Бог, чтобы все то, что мы читаем в четырех Евангелиях, – мы смогли бы вместить, освоить, понять и воплотить в своей жизни. Сделать, как мы только что говорили, слово делом.

– Теперь давайте поговорим о различиях и сходстве Евангелий. Вы предложили поступить таким образом: сравнить их начала. А почему так важны именно начала?

– Каждое из Евангелий написано конкретным человеком, который принадлежит к той или иной социальной и культурной среде; оно обращено к определенному кругу людей – к определенной общине – и отвечает нуждам этой общины. А с проблемой авторства и адресата тесно связана проблема языка. Очень важно, на каком языке был составлен текст. Поэтому, когда мы говорим о евангельских текстах, мы должны задать себе эти вопросы: кто автор, к какой культуре он принадлежит, каким языком он пользуется, к каким людям и с какой целью он обращается, какие задачи призван решить его текст, при каких условиях составляется этот текст и т. п. В началах Евангелий отчасти видны ответы на эти вопросы. Открыть книгу, приступить к разговору – это ведь всегда очень значимый смысловой момент. Поэтому нередко именно в начале текста фокусируются различные авторские установки, оно сразу вводит нас в определенную традицию и ситуацию.

Евангелист Матфей

– Тогда начнем с самого раннего Евангелия – от Матфея: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова»

– Евангелие от Матфея дошло до нас на греческом, но очень вероятно, что изначально оно было написано на еврейском языке. На этом настаивают многие ранние авторы: Евсевий Кесарийский, цитируя не дошедший до нас труд Папия Иерапольского, пишет: «Матфей составил изречения Господни по-еврейски». Иринеи Лионский пишет, что Матфей обнародовал Евангелие «для евреев, на их собственном языке», об этом же говорят и Ориген, и блаженный Иероним. На еврейский оригинал (так называемый протограф) указывают не только внешние свидетельства ранних церковных авторов, но и внутренние, то есть сам греческий текст Евангелия от Матфея, который содержит большое число гебраизмов и порой выглядит как греческий подстрочник еврейского текста. Если это так, то мы можем сказать, что Матфей составил свое Евангелие для христианской общины Иудеи (где в то время продолжали говорить не только по-арамейски, но и по-еврейски) с центром в Иерусалиме, то есть для общины, которая «постоянно пребывала в учении апостолов» (Деян. 2, 42). Именно эти люди, воспитанные в ветхозаветной традиции, являлись также носителями нового евангельского предания в предельно полном объеме.

Начало Евангелия от Матфея сразу отсылает нас к Ветхому Завету. Слово «родословие», с которого оно начинается (по-гречески **генесис**), – это греческое название самой первой книги Библии, Книги Бытия. И эта отсылка неслучайна: в Книге Бытия приводится одиннадцать родословий, а здесь, в первой главе Евангелия от Матфея, мы видим последнее, заключительное, двенадцатое родословие, которое соединяет все древние поколения со Христом. Но начало Евангелия от Матфея – это не просто перечень имен, это краткий конспект Ветхого Завета. За каждым именем стоит история. Читая «Вооз родил Овида от Руфи» (Мф. 1, 5), мы вспоминаем Книгу Руфи; читая «Иессей родил Давида царя» (...) «Соломон родил Ровоама» (Мф. 6–7), мысленно возвращаемся к Книгам Царств. Таким образом, Матфей ведет нас через весь Ветхий Завет. Родословие у Матфея делится на три периода. До Давида – это эпоха судей. Затем, от Давида до вавилонского пленения – эпоха царей. И наконец, от возвращения из плена до Христа – эпоха, когда Израиль управлялся первосвященниками. Каждый из трех периодов насчитывает по четырнадцать родов (см.: Мф. 1, 17). Три на четырнадцать – это шесть по семь, и вот, наступает седьмая седмина, во время которой, по пророчеству

Даниила (см.: Дан. 9, 25), должен явиться Христос. Миновала эпоха судей, миновала эпоха царей, эпоха первосвященников обрывается правлением Ирода, и вот, наконец, приходит Тот, к Кому вели все эти родословия, Христос – истинный Судья, истинный Царь, истинный Первосвященник, и Его Царство нерушимо и пребывает во веки. Вся эта историософия Матфея была близка и понятна его адресатам, глубоко укорененным в Ветхом Завете. Для них были очень важны мессианские пророчества. И вот, первые христиане-евреи увидели ветхозаветные пророчества в свете новой, новозаветной истории, в свете тех событий, очевидцами которых они были совсем недавно.

Евангелие от Матфея наиболее заметным образом продолжает традицию ветхозаветной письменности, и именно в нем мы обнаруживаем наибольшее количество цитат из Ветхого Завета. Цитаты эти звучат не только в прямой речи Спасителя, но и в тех местах, где текст принадлежит составителю, Матфею. Каждое описываемое событие он воспринимает как исполнение ветхозаветного мессианского пророчества: например, сообщив о бегстве святого семейства в Египет, он заключает: *«да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал я Сына Моего»* (Ос. 11, 1). Создается впечатление, что Матфей говорит не обо всем подряд, а лишь о том, что «высвечено» мессианским пророчеством. Он все время хочет сказать: вот, смотрите, то, что мы издревле принимаем как указание на грядущий приход Мессии, исполнилось в наши дни в лице Иисуса из Назарета.

Евангелие от Матфея укоренено в еврейском быте, в нем мы находим много бытовых подробностей, непонятных другим народам. Например, когда женщина, страдавшая кровотечением, прикоснулась к одежде Спасителя (см.: Мф. 9, 20), – только у Матфея отмечается, что она прикоснулась к особым кистям на краях одежды (в церковнославянском тексте – *«к воскрилию ризы Его»*). У других евангелистов женщина касается просто края одежды. Когда Спаситель говорит: *«Молитесь, чтоб не случилось бегство ваше зимою или в субботу»* (Мф. 24, 20), – упоминание субботы мы тоже находим только у Матфея. Наконец, именно у Матфея мы встречаем традиционное выражение *«Бог Израилев»* (Мф. 15, 31) или *«Царство Небесное»* (евреи, избегая лишней раз произносить слово Бог, заменяли его словом "Небо"), которое в других Евангелиях заменяется обычно выражением *«Царство Божие»*.

Евангелист Марк

– *«Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророков»* – это уже Марк.

– Здесь очень важно понимать, в каком значении употребляется слово «Евангелие». Ведь, как мы уже говорили, изначально эти тексты именовались иначе. Слово «Евангелие» первоначально означало не письменный текст, а именно благовестие, благую весть, то есть устную проповедь о Христе и о той новой духовной реальности, которая пришла вместе с Ним в этот мир. Марк, ученик, спутник и переводчик апостола Петра, записал проповедь своего учителя. На то, что за Евангелием от Марка стоит устная проповедь Петра, единогласно указывают ранние церковные авторы: Папий Иерапольский, Иринеи Лионский, Климент Александрийский. Вот свидетельство последнего: **«Когда Петр публично в Риме проповедовал Слово и Духом возвещал Евангелие, присутствующие, которых было немало, просили Марка, как издавна следовавшего за ним и помнившего сказанное им, записать рассказанное»**. И действительно, язык Евангелия от Марка несет черты устной речи. Папий Иерапольский специально подчеркивает, что Марк, **«будучи переводчиком Петра, как запомнил, в точности записал... и заботился только об одном, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно»**. Есть основания утверждать, что Петр проповедовал по-арамейски. Поэтому в греческом переводе Марка встречаются арамейские слова ("авва" – отец, "еффафа" – отверзись, «Воанергес» – сыны громовы, прозвище, которое Спаситель дал сыновьям Зеведея, Иоанну и Иакову) и короткие фразы («талифа куми» – девица, встань) и многочисленные «кальки» с арамейского. Проповедь была обращена к язычникам, не знавшим ни Ветхого Завета, ни географии Палестины, ни еврейских обычаев. Поэтому апостол, проповедуя язычникам, был вынужден, как сообщает тот же Папий, **«к нуждам слушателей приспособлять поучения»**. Все это мы обнаруживаем в Евангелии от Марка. Например, если для Матфея достаточно сказать, что Иисус пришел в храм (см.: Мф. 21:12,23), то Марк, обращаясь к язычникам, всегда уточняет, что храм находится в Иерусалиме (см.: Мк. 11:15,27). Для Матфея достаточно назвать женщину еврейским словом «хананеянка» (см.: Мф. 15, 22), а Марк объясняет, что *«женщина была язычница, сирофиникиянка родом»* (ср.: Мк. 7, 26). Матфей может пользоваться специфической еврейской терминологией: *«В первый опресноков»* (ср.: Мф. 26, 17), а Марк вынужден пояснить: *«В первый день опресноков, когда заколали пасху»* (ср.: Мк. 14, 12). И подобных примеров очень много.

Евангелист Лука

«Как уже многие начали составлять повествования о совершенно

известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова»

– Если Евангелие от Матфея продолжает традицию ветхозаветной книжности, Евангелие от Марка – запись устной проповеди апостола Петра, то евангелист Лука с первых же слов заявляет о себе как об исследователе, который работает с различными источниками. Он больше всего напоминает нам современного «кабинетного» ученого. Первый же стих его Евангелия говорит, что он пользовался многочисленными письменными источниками; а второй – о том, что он опирался также на самые достоверные устные источники, потому что его информаторами были сами апостолы – очевидцы и служители Слова. Кроме того, очень вероятно, что Лука пользовался также воспоминаниями Божией Матери. Иногда он оканчивает свои повествования словами: *«Мария сохраняла все слова сии в сердце»* своем (ср.: Лк. 2, 19, 51), что в переводе на современный язык означает: все это запомнила Мария. И действительно, в Евангелии от Луки есть то, что могла рассказать только Она: Благовещение (см.: Лк. 1, 26–39), встреча с Симеоном Богоприимцем (Сретение; см.: Лк. 2, 22–33); приключение с двенадцатилетним Иисусом в Иерусалиме (см.: Лк. 2, 39–49), наконец, история родственного Ей семейства Захарии и Елисаветы (см.: Лк. 1).

Лука – единственный из евангелистов, кто пытается привязать евангельские события к датам светской истории (*«В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле»* – Лк. 2, 1). Все это вместе он тщательным образом исследует, старается выстроить хронологическую цепь событий. И указывает цель: *«чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен»* (Лк. 1, 4); это Евангелие обращено к язычникам, непосредственно к греку Феофилу.

Язык Евангелия от Луки очень неоднороден: его зачало построено по правилам греческой риторики (см.: Лк. 1, 1–4), так не может открываться ни одна еврейская книга. Но, поставив точку после прекрасно выстроенного, сложного греческого периода, он вдруг совершенно меняет характер повествования: уже 5-й стих и дальнейший рассказ о рождении Иоанна Предтечи демонстрирует стиль еврейских книг – *«Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды»* Это типичный язык ветхозаветных хроник. Лука, помимо устных и письменных источников, включает в свой труд ранние церковные гимны: песнь Захарии (см.: Лк. 1, 68–79), песнь Богородицы (см.: Лк. 1, 46–55), это очень ценный для него материал. Так появляется удивительное Евангелие, объединяющее самые ранние и самые разные (и, вероятно, составленные даже на разных языках)

доступные евангелисту источники: записи, воспоминания, беседы, гимнография.

– **И уж совсем иначе начинается столь непохожее на три первых Евангелие от Иоанна.** *«В начале было Слово, и Слово было у Бога Это похоже на пророчество».*

– Евангелие от Иоанна отличается от трех первых. Это отличие настолько разительно, что на него обращали внимание уже ранние христианские авторы. Климент Александрийский называет Евангелие от Иоанна **духовным** – противопоставляя его трем первым, которые он называет **телесными**, то есть рассказывающими о земной жизни Спасителя. Именно Иоанну мы обязаны такими замечательными именами Спасителя, как «Добрый пастырь», «Виноградная лоза», «Свет миру», «Путь», «Истина», «Жизнь» и, наконец, «Слово» – имя, которым открывается четвертое Евангелие: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».* Мы уже видели, как евангелист Матфей, говоря о происхождении, то есть родословной Иисуса Христа, отсылает нас к Книге Бытия. И здесь, в первых словах Иоанна, также очень заметна связь с Книгой Бытия, с самым началом Священного Писания: *«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1).* Ветхий Завет утверждает, что Бог – Творец мира. А евангелист Иоанн идет еще дальше, он говорит, что *«в недре Отчем пребывает Слово – Единородный Сын» (Ин.1, 18), «и это Слово стало плотью»*, то есть пришло в сотворенный Богом мир, *«полное благодати и истины» (Ин.1, 14),* и это Слово есть Бог, и *«все начало быть через Него» (ср.: Ин. 1, 3).*

Есть мнение, что Евангелие от Иоанна было написано гораздо позднее других, когда его автор был уже глубоким старцем, – где-то в 90х годах I века, то есть спустя примерно 60 лет после описываемых событий. Это последнее Евангелие имеет отличия от Евангелия от Матфея не только в своем содержании, но и в употреблении ветхозаветных цитат. У Матфея так называемыми цитатами исполнения – когда описание новозаветных событий заключается ссылкой на Ветхий Завет с целью показать, что они являются исполнением древних пророчеств, – снабжается первая часть Евангелия; как только Матфей начинает говорить о Страстях Христовых, ветхозаветные цитаты исчезают. И это не случайно. Для евреев, современников земной жизни Спасителя, ожидаемый Мессия был царем, победителем, избавителем Израиля от рабства, духовным, но одновременно и политическим лидером, который должен был освободить и возвеличить Израиль. Конечно, никакого представления о Мессии, умирающем на Кресте, погибающем от рук оккупантов-римлян, у них не

было. Поэтому у Матфея при описании Страстей Христовых не было возможности сослаться на общепризнанные мессианские пророчества.

Евангелист Иоанн

В Евангелии от Иоанна мы видим прямо противоположную картину. Цитат из Ветхого Завета очень мало в первой части, зато там, где речь идет о страданиях Спасителя, Иоанн буквально каждый стих подкрепляет ветхозаветной цитатой: трижды, говоря о Распятии, он повторяет: *да сбудется Писание* (Ин. 19:24, 28:36). И то, что разорвали Его одежды; и то, что их разыграли по жребию; и то, что Ему поднесли уксус; и то, что Ему перебили голени и пронзили копьем, – все это Иоанн связывает с Писанием. Почему? Потому что за то время, которое прошло между составлением первого и последнего Евангелия, молодая христианская Церковь научилась читать весь Ветхий Завет (а не только его отдельные места) как мессианское пророчество. Христиане стали обращаться к Ветхому Завету самостоятельно, без оглядки на иудейские предания и не ограничивая себя традиционными толкованиями.

В Евангелии от Иоанна нет многих событий, описываемых в синоптических Евангелиях, нет притч, не так много рассказов про исцеления, зато есть длинные беседы Спасителя – с Никодимом (см.: Ин. 3, 1–21), с самарянкой (см.: Ин. 4, 4–28) и, перед самым арестом, – с учениками (Ин. 13–17).

Язык Евангелия от Иоанна возвышенный, торжественный, временами его повествование превращается в гимн. Если Лука открывает свое Евангелие указанием на использованные источники, то Иоанн в самом начале заявляет, что тем, кто принял Христа (а среди них, конечно, и сам Иоанн – любимый и ближайший ученик), Он *«дал власть быть чадами Божиими, от Него, от Его полноты они приняли благодать на благодать»* (Ин. 1, 12, 16). Поэтому мы можем сказать, что это Евангелие пропето языком благодати. Это свидетельство о Христе, но оно есть также свидетельство о той полноте Боговедения, на которую способен человек, принявший Христа и последовавший за Ним до конца. Вспомним, что только евангелист Иоанн, единственный из апостолов, стоял у Креста.

Беседовала Марина Бирюкова

6 апреля 2015 г.

Содержание

Протоиерей Леонид Грилихес Голоса свидетелей протоиерей Леонид Грилихес	1
--	---